
Евгений Лукин
НАВАЖДЕНИЕ

Месяц назад имплантировали мне хрусталики — и оказалось, что раньше я жил в потемках. А тут словно свет включили. Мир обрел четкость, оброс подробностями. Событие, несомненно, радостное, однако в чем-то и при-скорбное. Как выяснилось, за пару лет моего блуждания в сумерках многое изменилось, причем далеко не в лучшую сторону. Я о людях, разумеется. К собакам, кошкам, воробьям, деревьям — никаких претензий. К архитектуре, кстати, тоже — город у нас заметно похорошел.

Но люди...

Вот на светофоре зажегся красный. Проспект взбурлил машинами. Останавливаюсь, смотрю на противоположную его сторону. Там ожидают зеленого света четверо прохожих. До прозрения моего они представляли бы собою набор размытых цветowych пятен. Теперь же различаю все в деталях.

Думаете, они сознают, что стоят на переходе? Черта с два! По крайней мере трое из них наверняка пребывают не то в дополненной, не то в виртуальной реальности. Каждый во власти своего наваждения. Один приосанился, залихватски подкрутил воображаемый ус — явно мнит себя кавалергардом, завидевшим карету куртизанки. Второй замер навытяжку и, вылупив глаза, отдает светофору честь, хотя по правилам к пустой голове руку не прикладывают. Третий сдернул бейсболку — вот-вот отвесит поясной поклон то ли царскому поезду, то ли крестному ходу.

Идиоты...

Четвертый (вернее, четвертая) вроде бы из нормальных: угрюмо косится на остальных.

* * *

Пока я не обратился за помощью в микрохирургию глаза, все это не слишком замечалось, а стало быть, не раздражало. Теперь раздражает. Какое-то вокруг массовое бегство из действительности, чуть ли не поголовное. Неужели им здесь так плохо, так скучно?

Невольно стал прислушиваться к телевизору, узнал много нового. Мне уже, например, известно, чем виртуальная реальность (ВР) отличается от дополненной (ДР). Первая создает целиком придуманный мир, вторая всего-навсего редактирует нашу обыденность. При этом она пользуется маркерами, то есть по размерам предмет остается прежним, меняется только внешне. Вот, скажем, перед вами клумба причудливой формы. А на самом деле несанкционированная свалка мусора тех же очертаний.

Убейте — не понимаю! Запах-то все равно прежний! Хотя, я слышал, теперь и в ноздри что-то вставляют. Какой-то там имитатор ароматов...

И все равно! Чем обманывать себя, не проще ли взять лопату и разбить на месте мусорки настоящую клумбу? Тем более что серьезные люди именно так и поступают — город-то, повторяю, год от года становится красивее.

Нет, это их не устраивает. Тошно им в современности. Подавай им Париж времен кардинала Ришелье. И не такой, каким он был на самом деле, вонючий и грязный, а романтический, киношный.

Впрочем, какое там кино? Выродились вконец! Ну ладно, книг не читают, телевизора не смотрят, но ведь и за компьютером не сидят, смартфона ни у кого в руках не увидишь! Вправит в глаза контактные линзы, нажмет кнопку — и вот он уже в Париже... Ну не обязательно, конечно, в Париже. Про Париж я так часто вот почему: задел нечаянно плечом одного на улице — тот на дыбки:

— Вы толкнули меня, шевалье! — И вроде как за шпагу хватается, которой нет.

Не стоило бы, конечно, связываться — здоровый мужик, гораздо моложе меня, но уж больно обидно стало.

— Ты! — говорю. — Шевалье твою мать!..

И давай его костерить по-стариковски! Всю родословную перебрал. Слушает с надменно-изумленным видом и в чем-то вроде сомневается. Дослушал, смягчился, кивнул свысока:

— Вполне удовлетворен вашими извинениями, шевалье. Но впредь будьте осмотрительнее.

И шествует дальше.

Стою, как дурак, гляжу ему в спину. Слова, понятное дело, кончились.

Интересно, кем я ему привиделся? Русскоязычным гвардейцем кардинала или каким-нибудь лавочником Бонасье? Наверное, лавочником... Хотя нет. Раз шевалье — значит, дворянин.

Хорошо, хоть до рукопашной не дошло. Я потом выяснил: в случае причинения вреда здоровью (его здоровью, естественно) самому бы мне точно не поздоровилось. Виртуальный мир тоже считается теперь имуществом, а я, стало быть, на него посягнул.

Так и подмывает спросить: скажите, а умирать вы тоже будете виртуально?

* * *

Но что ж я все о плохом-то?

Заодно прояснилось и высветилось много чего приятного. В частности, семейная жизнь. Кончились наши терки, мир наступил. Оказывается, подслеповатость моя супругу просто бесила. Подслеповатость и упрямство. Честно говоря, на операцию я согласился только потому, что Ксюша мне уже плешь проела. Теперь счастлива. Расцвела. Помолодела. Кроме шуток — лет этак на десять.

— Ты мой ушастенький зайчик, — с нежностью сообщает она мне.

Давненько я ничего подобного от нее не слышал.

— Да цыпа ты моя! — с чувством отвечаю я ей.

Так вот и живем. Вроде как второй медовый месяц у нас.

А то, что вокруг сплошные виртуалы, лишь подчеркивает реальность наших отношений. При Ксюше я даже перестаю

сердиться на окружающих, всеобщее безумие начинает казаться мне забавным и не более того.

Позавчера, например, подходит ко мне на улице некто с остекленелым взглядом. Извиняется, отводит в сторонку и спрашивает, понизив голос:

— Батя, который нынче год?

Глазом не сморгнув, отвечаю:

— Сто двадцать первый до Сотворения Мира.

Все равно ведь услышит не то, что сказано, а то, что ему динамики в уши подадут. А я не я, и внешность не моя — так, набор маркеров, по которым выстроено неведомое мне изображение.

— Число? Месяц? — продолжает допытываться он.

— Мартобря восемьдесят шестое.

Лицо его озаряется счастьем.

— Получилось... — выдыхает мечтательно. — А где завод Михельсона?

— Вон там. — Указываю на стоматологию.

Рассказал об этом Ксюше. Долго смеялись.

* * *

Нет, безумие, разумеется, не всеобщее — насчет всеобщего это я, каюсь, того... переборщил. Психически здоровых людей, обитающих исключительно в реале, осталось еще вполне достаточно. Есть с кем поговорить. Правда, такое ощущение, будто и с ними не все в порядке.

Пока ругаем виртуалов — полное единодушие. Иногда мне даже защищать приходится этих шибануток — уж больно грубо о них отзываются. Именуют врушками (ВР), дурками (ДР), а то и вовсе неприлично.

Но едва речь заходит о настоящей сегодняшней жизни, я, право, теряюсь. И ее тоже, представьте, ругают. Чем недовольны?

Губернатор у них сволочь, депутаты взятки берут, материальные средства распилены, дороги не ремонтируются...

Да почему же не ремонтируются? Не знаю, как там насчет губернатора, депутатов и прочего, но дороги-то — вот

они! Дороги, тротуары... Ну, может, на окраинах где-нибудь асфальт покоцан, а в центре-то все идеально.

Кажется порою, что собеседники мои лишь прикидываются вменяемыми, а сами тоже обитают в какой-то там дополненной реальности. Вернее, даже не в дополненной, а наоборот... Как бы это выразиться?.. В изъятый?..

Того нет, этого нет, все им плохо...

— Ты, главное, зайчик, не расстраивайся, — успокаивает меня Ксюша. — Обычные либерасты...

— Нет, погоди! — протестую я. — Это что ж получается? Кто не виртуал — тот либераст?

— А Вадик твой?

* * *

Да, действительно. Вот с Вадиком мы родственные души. Ровесники — оба молодые пенсионеры (это, представьте, такой официальный термин). Сидим на лавочке в сквере, у каждого — по банке пива. Небольшая измена принципам: оболочка банок выполнена с помощью ДР-технологий. Стоит вскрыть, оформление меняется — так что в руках у нас теперь отнюдь не алкоголь, а невинный тонизирующий напиток. С виду.

Полиция, во всяком случае, к нам ни разу еще не цеплялась.

— Я что, против мечтаний? — возмущается Вадик. — Мечтайте на здоровье! Но делайте это сами! А у них даже грезы покупные... Хорошо, если на заказ! А в основном-то — типовой продукт, ширпотреб...

Подружились мы с ним мгновенно. Полмесяца назад увидел его в толпе и принял за полузабытого знакомого — такое у него было умное и приятное лицо.

— Все как всегда... — утешаю я, смакуя по глоточку холодное горьковатое пиво. — Взять кинематограф. Тоже ведь фабрика грез.

— Фабрика, — вынужден согласиться он. — Но там хотя бы присутствовала условность: вот ты — вот экран... А тут — полная иллюзия.

— Зато, говорят, наркотиков меньше потреблять стали. Вдыхает, делает глоток.

— Так-то оно так... Хотя, знаешь, надо еще прикинуть, что вреднее...

Из боковой аллеи показывается полная дама в облегающем спортивном костюме. Хищно озирается, затем внезапно исчезает за ближайшей скамейкой. Не иначе секретный агент 000. Миссию выполняет, а то весь мир медным тазиком накроется. Интересно, где она сейчас? В Багдаде? В Чикаго? В Караганде?

— Ну вот тебе пример, — говорю я. — Видишь? За лавкой присела. Какая-никакая, а гимнастика. А то валялась бы на диване перед телевизором. Так, глядишь, и вес сбросит...

Люблю иногда грешным делом противоречить сам себе. В данном случае — своему альтер эго. Проверяю таким образом на прочность собственные взгляды.

Дама тем временем выскакивает из-за скамейки, дважды стреляет в нас из незримого пистолета с глушителем и, пригнувшись, семенит наискосок через центральную аллею. Мы с Вадимом, надо полагать, представляемся ей в данный момент парой трупов. Секретные агенты не промахиваются.

— Слушай, — задумчиво говорит Вадик. — А ведь мы в сумасшедшем доме...

Полностью с ним согласен. Но возразить все же необходимо, иначе наш спор выродится в беседу. А в беседе истина не рождается.

— Нет худа без добра, — замечаю беспечно. — Вот, скажем, попаданцы. Заказал он себе виртуалку начала двенадцатого века. Будет учить Александра Первого самолеты строить — против Наполеона...

— А сам в самолетах ни бум-бум, — вставляет Вадим.

— Не важно. Главное, намерения-то у него — благие...

— Ага! А благими намерениями, знаешь, что вымощено?

— Знаю.

— Да чепуха это все... — брезгливо морщится Вадик. — Думаешь, он Александру Благословенному помочь хочет, хотя бы и понарошку? Или там исполнить священный

долг перед виртуальным Отечеством? Он состояться хочет как личность! Здесь-то, в реале, у него ни фига не выходит... И не выйдет!

Единым махом он допивает пиво, и банка преобразается: программа отработала — в руке теперь прежняя тара из-под слабоалкогольной продукции. Вадим приподнимается, выбрасывает улику в урну.

— По правде говоря, — озабоченно признается он, сновла присаживаясь рядом, — меня беспокоит другое. Язык...

— В смысле?

— Ну вот смотри... — начинает он — и вдруг умолкает.

— Куда смотреть?

— А вон туда... — И Вадик кивает на приближающуюся к нашей скамейке молодую пару.

Идут в обнимку. Она крутит головой направо-налево, а он ей на что-то указывает свободной рукой. Такое впечатление, будто девушка впервые попала в некий музей, а юноша демонстрирует экспонаты.

— Тише! — предостерегает меня Вадим. — Слушай...

Я вслушиваюсь. Пара проходит мимо.

— Гля!.. — сыплются незрелые юношеские междометия. — Во!.. А?.. Нифигасе?..

Вид у девушки малость оторопелый.

— Вот и все, что требуется сейчас от языка, — выждав минуту, печально подытоживает Вадим.

— Позволь... Что это было? — спрашиваю я, глядя вслед странной парочке.

— Банку выброси, — советует он.

— А?.. — Смотрю на опустевшую и, стало быть, демаскированную банку. Да, лучше от нее избавиться, что я и делаю. — Ну так... все-таки?

— Кавалер подключил барышню к своей дополненной реальности, — холодно поясняет Вадим. — И не нужно никакого словесного общения. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

— Хм... — Я задумываюсь. — Слушай, но ведь к тому все шло! Чем рассказывать о чем-нибудь, проще сфоткать, отснять сюжет, потом показать... Да, ты прав. Скоро и говорить разучимся...

* * *

— Ну слава те, Господи! — слышится сварливый женский голос. — Хоть двое нормальных! А то кого ни встретишь — сам отдельно, башка отдельно!..

Вскидываем глаза и видим перед собою тетеньку весьма почтенного возраста и не весьма почтенной наружности — то, что во времена Антона Павловича Чехова именовалось словом «халда». Судя по всему, соскучилась по общению. Бесцеремонно плюхается на скамью, сотрясши ее до трубчатых опор, ибо весит изрядно.

— Я чего говорю-то?.. — воинственно обращается она к нам, причем так, словно мы тыщу лет с ней знакомы. — Повзбесились все! Ну молодежь — ладно, а старичье-то что творит, а?.. Выхожу сегодня из подъезда, гляжу: Марья сидит из двадцать третьей квартиры. Подсела к ней, говорю: «Ну что, Марья?..» А она мне в ответ, можете себе представить: «Бонжур, — говорит, — принцесс! Что ж это вас, княжна, вчерась на ассамблее-то не было? Петр Алексеич, — говорит, — такого страх не любит! Будет вам, княжна, реприманд...» А?! — ядовито переспрашивает подсевшая. — Реприманд! Ничего себе?..

— Д-да-а... — переглянувшись, сочувственно покручиваем головами.

— А все мэр!

— Опаньки! — округляет глаза Вадим. — А он-то тут с какого боку?

— С какого? — закусывает удила неистовая наша собеседница. — А кто им потакает — всем этим придурочным?..

— Мэр? Потакает? Зачем?

— Как зачем?! Как зачем?.. Крыши-то у всех — уехавши! Никто ж не видит, до чего он город довел!

— А до чего это он его довел? — не выдержав, вмешиваюсь я. — Вот сидим мы с вами в скверике... Чистота кругом, порядок. Газоны подстрижены...

Словно очнувшись, тетка оглядывается по сторонам, причем лицо ее становится на диво тупым. И впрямь: ухоженные газоны, новенькие урны, гравийные дорожки. Вне-

запно встает и, отступив на шаг, озирает нас с презрительным изумлением.

— Тьфу! А я их, главное, за здоровых приняла! У, дурки!.. Поворачивается и уходит.

Очумело смотрим друг на друга — и начинаем нервно смеяться.

* * *

Что за притча: кроме нас с Вадиком, реальность в чистом виде не нравится никому. Одни ее бранят, другие из нее бегут.

— Ушастенький, — ласково втолковывает мне Ксюша. — Знаешь, почему тебе кажется, что все вокруг хорошо? Потому что у нас с тобой все хорошо! Только поэтому.. Ты хоть раз Вадика о его семье спрашивал?

— Н-нет..

— Ну и зря! Спроси.. Уверена, живут душа в душу..

Свежая, радостная, моложавая. Элегантный приталенный халатик, пушистые тапки с ушками. Где были раньше мои глаза? Нет, даже не так.. Где были раньше мои хрусталики-импланты? Еще одна трогательная привычка, которой я раньше, естественно, не замечал: влюбленно на меня глядя, Ксюша временами касается губ кончиками пальцев, словно хочет послать мне воздушный поцелуй.

Спыхватываюсь, подхожу украдкой к зеркалу, всматриваюсь в собственные поврежденные возрастом черты. Да тоже в общем-то ничего, сойдет.. Выгляжу, конечно, постарше супруги, но так и положено!

А насчет семейного счастья она, пожалуй, права. Даже страшно представить себе домашний быт гражданочки, составившей нам компанию в сквере. Вполне понятно, что жизнь, куда ни плюнь, должна представляться такой особе в исключительно мерзком виде.

А ведь в каком-то смысле это тоже дополненная реальность. Реальность, дополненная постоянными склоками.

Хотя, если так рассуждать, сюда все что угодно можно за уши притянуть — вплоть до цивилизации в целом. Взять, к примеру, ту сценку на переходе, с которой я на-

чал. Трое придурков, вообразивших себя бог знает кем, и одна нормальная. Ждут зеленого света. А представим на минутку, что проезжая часть пуста в обе стороны. Тогда что? Тогда у нас уже четверо придурков: машин нет, а они стоят. Почему? Да потому что светофор — это тоже дополненная реальность. Как и любой закон, как и любая условность...

А Вадика про его семейную жизнь я обязательно выясню.

* * *

Приятеля моего я заметил издали, стоило войти в сквер. Сидит на той же скамье, в руке — все та же банка-оборотень. У меня, кстати, тоже, только еще не вскрытая.

Но, как подсказало мне обострившееся с некоторыми пор зрение, что-то с Вадимом на сей раз было не так: опущенные плечи, остановившиеся глаза. Уж не стряслось ли чего?

— Случилось что-нибудь? — встревоженно спросил я, поздоровавшись.

Взгляд его прояснился не сразу.

— Случилось?.. Д-да... пожалуй... Ты садись.

Я сел.

— Банку вскрой.

Вскрыл. Рисунок мгновенно сменился. Было пиво — стал тоник. Якобы.

— Ну?..

— Что «ну»?

— То, что мы оба с тобой идиоты.

— Оч-чень мило... А подробнее?

— Мы же не должны это видеть, — сдавленно проговорил Вадим. — Это дополненная реальность! Чтобы ее увидеть, специальное оборудование нужно... очки, контактные линзы...

Поначалу я его просто не понял. Уставился на свою банку, сиюю моргаю.

— А ну-ка честно! — потребовал он. — С глазами в последнее время что-нибудь делал?

— Д-да... импланты вставил... хрусталики...

Вадим обессиленно уронил голову на грудь и некоторое время пребывал в неподвижности.

— Позволь... — ошеломленно начал я. — Ты хочешь сказать...

— Ничего я не хочу сказать. Я уже все сказал.

— То есть, по-твоему... Мои импланты — это еще и...

— Вот именно.

— Да что за ерунда?! — Меня подбросило с лавки. — Это же незаконно! Подключить человека к виртуалке можно только с его согласия!

— Ты мне вот что ответь... — глухо отозвался он, по-прежнему не поднимая головы. — Ты там какие-нибудь документы подписывал? Перед операцией...

— Подписывал.

— А читал?

— Нет... Ксюша читала...

Я осекся.

— Это что же... Выходит, без меня меня женили?

— Выходит, так... — мрачно подтвердил Вадим. — И не одного тебя, заметь...

* * *

В микрохирургии глаза послали меня в кабинет к юристу — величавой, но милостиво настроенной даме.

— Ах, мужчины-мужчины... — пожурила она меня с улыбкой. — Когда ж вы с бумагами работать научитесь? Подмахнут не глядя, а потом давай крайних искать...

— Но я же не просил!

— Как это вы не просили? — Из ящика стола на свет божий немедленно появилась папочка, а из папочки — отпечатанное на принтере заявление с моей подписью.

— Что-нибудь можно сделать? — хрипло спросил я.

— А что бы вы хотели?

— Отключиться от виртуальной реальности!

— От дополненной, — поправила она. — Виртуальная обошлась бы вам дороже.

— Ну от дополненной!